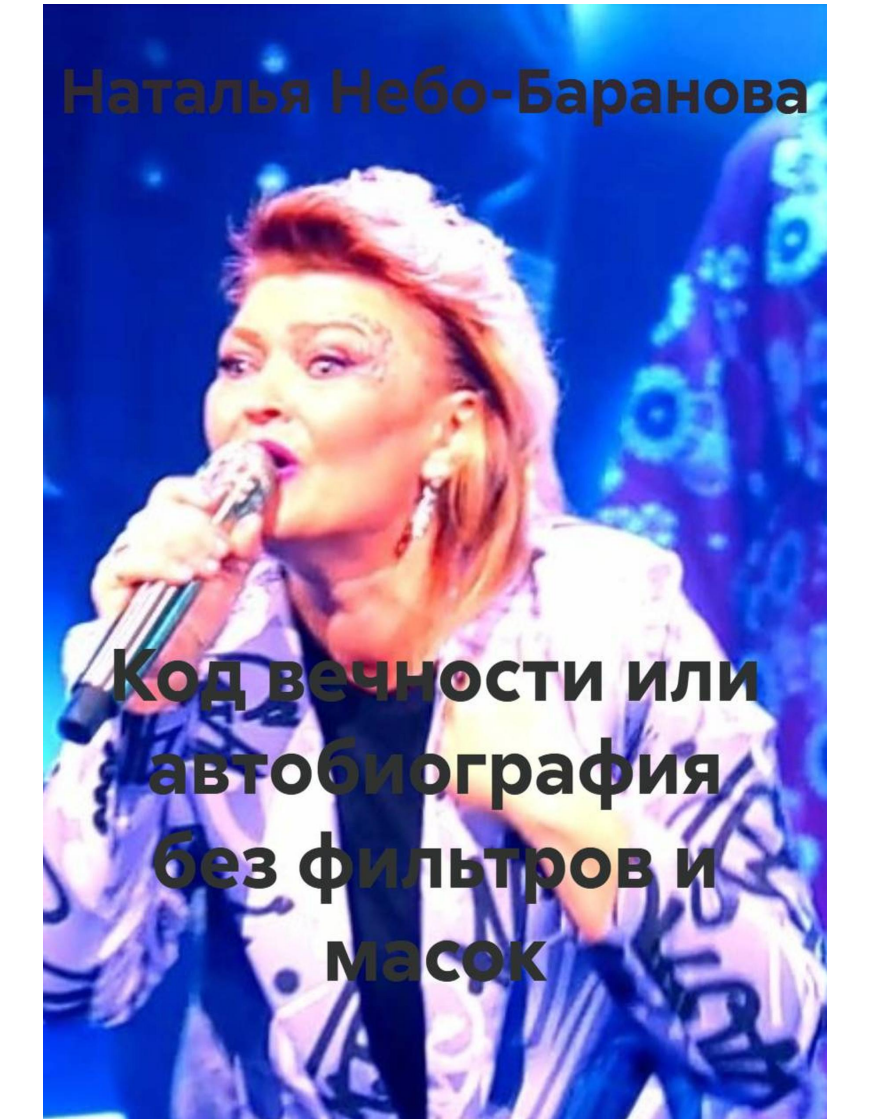

A photograph of Natalya Nebo-Baranova singing into a microphone. She has blonde hair and is wearing a light-colored jacket with a dark tie. The background is blue with some light effects.

Наталья Небо-Баранова

**Код вечности или
автобиография
без фильтров и
масок**

Наталья Небо-Баранова

Код вечности или автобиография без фильтров и масок

<https://litres.ru/74541742>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Код вечности» — автобиография Натальи Барановой о пути от интерната и жизненных испытаний к свободе, творчеству и счастью. История женщины, которая, пройдя через потери, брак-капкан и работу на высоте башенного крана, обрела себя заново — благодаря азиатскому кино, музыке и внутренней силе. Книга манифест для всех, кто ищет свой «код вечности».

Наталья Небо-Баранова

Код вечности или автобиография без фильтров и масок

Аннотация:

Семь лет — возраст, когда ребенку нужны мамины объятия и школьные банты. Но маленькую Наташу судьба бросает в холодные стены интерната, пока тяжелобольная мама пытается построить жизнь заново.

Так рождается бунтарь.

Эта книга — пронзительная и абсолютно честная автобиография женщины, которая прошла все круги личного ада.

Работа на высоте башенного крана, ворочающего много-тонные блоки; 25 лет брака, превратившегося в капкан; тяжелые потери и жизнь вполсилы.

Но когда от героини остался лишь «блеклый след», все-

ленная устроила ей тотальную перезагрузку через... азиатское кино и музыку, пробудившую внутренний камертон.

Это история невероятного триумфа духа.

Путь от казенного барака и строительной пыли до океанского прибоя в США, медалей Союза писателей и абсолютного счастья.

Книга-манифест для каждого, кто запутался, устал и думает, что его крылья сломаны навсегда.

Ведь даже на самом дне можно найти код, который вернет вам себя.

Глава 1 Барак

Я родилась на закате советской эпохи в закрытом Куйбышеве — городе, которого словно и не существовало на обычных картах.

Моё первое детство прошло в старом деревянном бараке. До сих пор помню этот въевшийся в стены запах сырости,

дешёвого мыла и пережаренного лука из общей кухни в конце длинного, тёмного коридора. Весь наш мир сжимался до десяти квадратных метров.

Сразу у входа — стальная кровать с провисшей панцирной сеткой, которая жалобно скрипела от любого движения. Старый деревянный сундук, хранивший в себе редкое постельное бельё, колченогий стол и огромная, почти в пол, рама окна, сквозь которую пробивался тусклый свет. На второй кровати спали дедушка и бабушка. В этой тесноте не было места для приватности, не было места для чуда.

Я помню себя совсем крохой — с ясельного возраста. Из-за того, что дома меня буквально некуда было положить, родители были вынуждены отдавать меня в круглосуточный детский сад.

Эти недели, растянутые от понедельника до пятницы, казались мне бесконечной ссылкой. Помню казенные простыни, запах хлорки и щемящее, удушающее чувство нищеты.

Но страшнее бедности было другое — внутри меня жила острая, необъяснимая грусть по какому-то потерянному, моему собственному миру. Другие дети казались мне бесконечно чужими. Я не понимала их игр, их смеха, их беззаботности. Пока они строили башни из кубиков, я забиралась под

детсадовскую кровать, в пыльную полутьму, подальше от чужих глаз.

Там, обняв колени, я пыталась вспомнить: как я здесь оказалась? Почему этот серый, холодный мир стал моим? Я чувствовала себя заброшенным на чужую планету существом.

Дома тепла тоже не хватало. Бабушка ушла из жизни, когда мне не исполнилось и трёх лет, оставив после себя лишь смутный силуэт в памяти. Дед после её смерти стал суровым, молчаливым, как каменное изваяние. А мама с папой... они были инвалидами детства. Окружённые своими недугами и тяжёлым бытом, они просто физически не могли вырваться из этого круга, не могли подарить мне другого, лучшего пространства.

И я продолжала быть абсолютной, звенящей одиночкой.

А потом случился первый в жизни проблеск счастья. Папе выделили четырнадцатиметровую комнату в коммуналке на четвертом этаже дома из красного кирпича. Для меня это был настоящий дворец!

Главным моим сокровищем стал круглый железный балкон, зависший над шумным миром, и моё собственное кресло-кровать — личный уголок, куда никто не мог вторгнуться.

ся. Там, я наконец-то обрела подруг, научилась смеяться и поверила, что тучи рассеялись.

Но жизнь внутри коммуналки всё равно оставалась коммунальной, а детские иллюзии — хрупкими. За этим коротким взлётом меня ждало следующее, ещё более сокрушительное разочарование.

Меня отдали в интернат. В те дни, задыхаясь от несправедливости этого мира, я закрывала глаза и кричала мысленно в пустоту.

Этот крик позже вылился в строки, ставшие моим манифестом:

Я не хотела так играть,

Я умоляла этот свет,

Просила лучшую себя,

Искала истинный ответ

—Где я другая, не в страстях,

В любви, богатстве и мечтах...

Я так искала ту себя, которая не боится бедности, которая заслуживает роскоши, тепла и безусловной любви. Но до этого ответа мне предстояло пройти долгий, полный потерь путь.

Глава 2. Сентябрь без бантов

В семь лет мир кажется огромным, а решения взрослых — абсолютными и не подлежащими обжалованию. Мое первое сентября не было похоже на праздник с белыми бантами, букетами гладиолусов и маминой теплой ладонью по дороге к школьному крыльцу. Вместо обычной районной школы меня отдали в интернат. В ту осень привычный мир рушился.

Мама приняла тяжелое решение уйти от отца. Взрослые ломали старое, чтобы построить что-то новое, но у этого процесса была и обратная сторона, которую пришлось пережить мне.

Мама физически не могла за мной следить, как бы сильно ни любила. Ее рассеянный склероз — диагноз со звучным, но безжалостным именем — медленно забирал у нее силы.

Вторая группа инвалидности не оставляла ей шансов дать мне ту полноценную поддержку, в которой так нуждается первоклашка. Мама ушла от отца буквально в никуда.

Накапливая остатки сил, она сняла крошечную комнату в частном доме. Это съемное жилье пахло чужой жизнью, сыростью и печным дымом. Там не было места для полноценного детства, да и ухаживать за мной, пока она пыталась справляться с собственным непослушным телом, было некому.

Казенные стены интерната стали моим новым домом. Там, среди таких же растерянных детей, и начался мой путь.

Путь девочки, которой пришлось повзрослеть слишком рано, и которая еще не знала, что однажды все эти переживания превратятся в строчки ее собственной книги.

Теряла детство высоту,

С безбрежным чувством распрощавшись,

Я уходила в пустоту,

С собой наедине оставшись.

В семь лет невозможно понять причинно-следственные связи взрослого мира. Я не могла осознать, за что мне это, в чем моя вина и почему я должна идти по этому серому, казенному пути.

Но внутри меня, где-то глубоко под детской беззащитностью, жил странный внутренний бунтарь.

Он категорически отказывался смиряться. Моим спасением и моим протестом стали карандаши и обрывки бумаги.

Пока учителя бубнили у доски, я уходила в свой мир: рисовала на уроках, делала первые несмелые заметки, записывала мысли, которые переполняли голову. Это была моя личная территория свободы.

Но у этой свободы была высокая цена. Раз в неделю наша воспитательница устраивала показательную казнь моего творчества.

Она брала мои листки и с каким-то особенным, садистским удовольствием рвала их прямо перед всем классом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.